

Литература по алфавиту

Уже несколько лет в Институте филологии Сибирского отделения РАН ведется работа по составлению уникального «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы». О нем нам рассказали директор института **Игорь Витальевич Силантьев** и сотрудники сектора литературоведения

Филология как музей

Филология — наряду с математикой — одна из самых древних наук, — говорит Игорь Силантьев. — Но она всегда была не только наукой. У филологии есть две важнейшие функции. Первая — это поиск истины о слове, о словесном творчестве, о литературе, о языках. Другая функция, не менее важная, — сбережение того богатства словесной культуры, которое человечество уже накопило. Об этом часто забывают, полагая, что филология только наука, но она является также своего рода музеем. И в рамках пересечения науки и культурно-охранной деятельности и возникает любовь филологов к составлению словарей — взять культуру и разложить ее по алфавиту или в каком-то другом формате. К примеру, не так давно вошел в научный и культурный оборот словарь книжников и книжности Древней Руси отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, потому что он объединил в единое целое, с одной стороны, авторов или переписчиков, с другой — известные произведения древнерусской литературы. У фольклористов есть своя традиция составления словарей-указателей, которые помогают ориентировать читателя, в первую очередь научного человека, в огромном мире фольклорных сюжетов и жанров. Весь фольклор держится на повторяющихся формулах, поэтому фольклористы исчисляли сюжеты не только как какие-то законченные повествования, снабженные определенной логикой, художественным эффектом, фабулой — они идут глубже и исчисляют общие места.

Работа над Словарем сюжетов и мотивов русской литературы началась более двадцати лет назад, начало ей положила директор Института филологии, чл.-корр. РАН **Елена Константиновна Ромодановская**. Предполагалось, что будущий словарь станет не окончательным, а экспериментальным, поскольку

литература — явление движущееся, пополняющееся новыми произведениями. Уже вышли в свет три тома (один из них в двух частях), сейчас готовится четвертый.

— Дело в том, что сюжеты и мотивы — это своего рода «строительный материал» литературы, — отмечает Игорь Силантьев. — В процессе творчества писатель приобретает к накопленному до него сюжетно-мотивному репертуару. Это может быть как осознанным, так и неосознанным действием. Даже если автор работает над мемуарами и ничего не сочиняет, он все равно опирается на свой читательский опыт, на то, что прочитал и впитал в себя на протяжении жизни. Эта идея и лежала в основе создания словаря. Она не является открытием нашего института: мы базируемся на устойчивой научной традиции, которая идет, во-первых, от фольклористов, во-вторых, от светлого имени академика Веселовского и его труда «Историческая поэтика».

Что таится

в «Преступлении и наказании»

— Задача исследовательского колллектива заключается в выявлении и фиксации наиболее устойчивых сюжетов и мотивов русской литературы, кочующих из одного произведения в другое и даже из эпохи в эпоху, начиная с древнерусского периода. Поэтому первый выпуск словаря посвящен библейским, мифологическим сюжетам и сюжетам о царях, — рассказывает д.филол.н. **Елена Николаевна Проскурина**. — Второй — сюжетам мировой литературы, как они отражены в литературе отечественной. Там мы найдем вариации сюжета о Дон Жуане, Фаусте, Гамлете и др. в произведениях русских авторов, а также календарные сюжеты — святочные и пасхальные. Третий выпуск — это сюжеты античной литературы в структуре текстов русской литературы. Менады, Ирида, Хариты, Фортуна, Фемиды — вот названия только некоторых статей. Следующий том будет рассказывать о смертельных, или «смертельных» сюжетах в нашей литературе. Поскольку мы все время экспериментируем, то этот выпуск решили составить в несколько ином варианте: представить авторские тезаурусы смерти. Нельзя найти ни одного произведения в литературе, где так или иначе эта тема не была бы затронута, пусть даже на уровне свернутого мотива. Ведь смерть у каждого автора представлена по-своему. Так, смерть у Бунина отличается от смерти у Газданова, Платонова, Пушкина и так далее по всему пространству литературы. Мы можем находить лишь отдельные элементы преемственности, но тождества не может быть по определению, в силу самой природы литературы как плода индивидуального творчества.

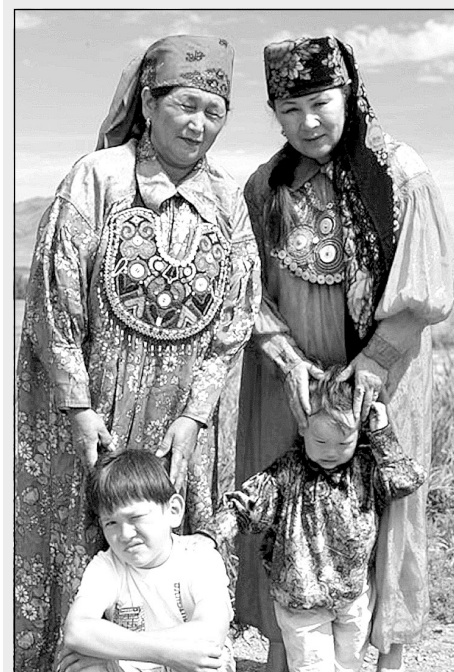
Сотрудники сектора литературоведения признаются: создание словаря — труд, который «грозит перейти в бесконечность», поэтому принцип достаточности просто необходимо выработать.

— Возьмем сюжеты о Каине и Авеле или об Аврааме и Исааке, — говорит Елена Проскурина. — Мы можем найти их отзвуки, например, в литературе о Гражданской войне в России, где брат воевал с братом, отец — с сыном. Яркий пример использования святочного сюжета — «Метель» Пушкина. Зима, метель,

свадьба, плутания, борьба с нечистой силой — все это очень характерно для святочного сюжета. Несмотря на то, что у Пушкина точно не обозначено календарное время, все эти элементы так или иначе присутствуют в «Метели», что позволяет говорить об этом произведении как о святочном. В русской эмигрантской литературе первой волны святочный сюжет преломился под другим углом: там больше ожидания рождественского чуда, которое представлялось герою в варианте возвращения на родину или хотя бы какого-то обустройства своей жизни, судьбы. Но чаще всего чуда не происходит, и герой в конце концов остается одинок, часто заканчивает жизнь самоубийством прямо в рождественский Сочельник. Если мы возьмем какое-то известное произведение русской литературы и посмотрим, какие мотивы и сюжеты в нем представлены, окажется, что их великое множество. Например, «Преступление и наказание» Достоевского — произведение большое и многовекторное. Здесь есть известный сюжет о покинутой и оскорбленной девушке — это и Сонечка Мармеладова, и Дуня. Здесь и евангельский сюжет о Лазаре — помните, как Раскольников просит Союю прочитать ему именно этот фрагмент Евангелия? Здесь и архетипический сюжет смерти — воскресения: весной, в пасхальное время, Раскольников на каторге переживает духовное преображение. Сюжеты о Лазаре и Пасхе встраиваются друг в друга, как матрешки.

Художественное произведение как таковое соткано из мотивов, которые могут развертываться в сюжетные линии, а могут сохраняться в статусе мотива как мельчайшего смыслового элемента текста, внося в него определенный намет, оставляя след архетипического сюжета. Конечно, в процессе работы над словарем мы занимаемся не только классической, но и массовой литературой, в том числе современной. Именно в массовой беллетристике как раз наиболее отчетливо представлены архетипические элементы. Очень интересно наблюдать, как время влияет на подобного рода сюжеты и мотивы: одни из них могут пропадать, но одновременно на поверхность выплывают другие, затем угасшие элементы вновь возвращаются в трансформированном виде. Это и есть дыхание литературы, на ритмы которого влияет движение реальной жизни, ее проблемы, муки и радости.

Мария Тилишевская, *academ.info*
Фото: Институт филологии СО РАН

Особенности горлового пения

Носители шорского языка из Кузбасса приняли участие в лабораторных исследованиях, проводимых учеными Института филологии Сибирского отделения РАН, которые занимаются лексикографическим изучением и лингвистическим описанием исчезающих языков этнических меньшинств Сибири и Дальнего Востока.

Жительницы Таштагольского района — тележурналист **Раиса Санженкова** и работник культуры **Мария Идигешева** — были приглашены в Лабораторию экспериментально-фонетических исследований. Она единственная в России, где успешно используются современные методы изучения физиологии речи.

Выбор ученых был не случайным. Обе женщины отлично владеют родным языком. Раиса ведет телепередачи на шорском языке, а Мария — паштык общественной организации «Таглык шор».

«Три дня мы общались с новосибирскими учеными, — рассказывает Раиса Санженкова. — Наша речь на шорском языке записывалась специальной аппаратурой, исследовались артикулярные параметры речи. С помощью цифровой рентгенографии и магнитно-резонансной томографии изучались речевой аппарат, череп».

Интересно, что с помощью подобных исследований ученые выяснили, что у тюрков голосовые связки чуть шире, гортань не такая вытянутая, как у представителей европейской расы, поэтому европеец никогда не сможет хорошо освоить горловое пение. Весь процесс снимался на камеру. В январе на Таштагольском ТВ должен выйти сорокаминутный фильм, посвященный этим исследованиям.

Лаборатория экспериментально-фонетических исследований создана в конце 1960-х годов. С тех пор ее сотрудниками описаны аспекты фонетики и фонологии более 40 языков, диалектов и говоров. С 2009 года в работе используются цифровая рентгенография и магнитно-резонансный томограф.

Сегодня перед фонетистами стоит задача перевести исследования на новый методологический и аппаратный уровень.

Татьяна Минева, «Кузбасс»
Фото: wikimedia.org